
НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ OG
ХРОНИКИ
ОРДЕНА ГРИБНИКОВ
ВНЕШНИЙ КОНТУР
КНИГА 16

Нейромонах OG

Хроники ордена грибников. Книга 16. Внешний контур

https://litres.ru/74715197
SelfPub; 2026

Аннотация

Думали, наш карельский поселок — это и есть весь мир? Ошибка! Стоило наладить связь между библиотеками, как рухнула невидимая стена на краю карты, а на сто сороковом километре из тумана выкатился бронированный зонд-разведчик «Странник» с магнитной лентой 1958 года. Оказывается, Карелия — всего лишь локальная сеть, а настоящий вычислительный мозг и электростанция Оболочки спрятаны на Урале, у истоков легендарной лаборатории деда Лешего OG на реке Койве.

Но древний пограничный файрвол «Периметр-Восток» расценивает сигнал как вирусную атаку и готовится взорвать транзитные магистрали термитным зарядом! Чтобы предотвратить вечную изоляцию, Артёму, Кире, Никите Ворону и Илье предстоит пройти сквозь невесомость буферной зоны, преодолеть стометровый обрыв и совершить первое в истории трехстороннее сетевое рукопожатие.

Спасти мост двух миров смогут лишь кот Мурзик в роли живого репитера Теслы, чернила Первого Сеятеля и...

Содержание

Пролог. Неизвестный IP-адрес 4
Глава 1. Граница карты 8
Глава 2. Странник с Урала 13
Глава 3. Тайна уральского узла 19
Глава 4. Широковещательный шторм 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Нейромонах Леший OG Хроники ордена грибников. Книга 16. Внешний контур

Пролог. Неизвестный IP-адрес

В два часа сорок пять минут ночи тайга вокруг поселка замерла в той звенящей, хрустальной тишине, какая бывает только перед наступлением первых настоящих белых ночей.

На Чердаке дедовского дома пахло сушеной мятой, старой олифой и остывающим кирпичом печной трубы. После того как в Архиве Грибницы был наведен идеальный порядок, а Белое Дерево пустило живые корни в лесной мицелий, пространство дышало ровно и легко. Никаких споров между временами года, никаких выпавших из реальности автобусных остановок.

В центре комнаты на дубовом верстаке покоилась белая эмалированная миска со сколом — неизменный Якорь карельского сектора. Вода в ней стояла неподвижным зеркалом, отражая мутный свет луны, струившийся сквозь слуховое окно. На дне мирно поблескивали две медные монетки.

Рядом, свернувшись в пушистый клубок на краю старого ватника, спал Мурзик.

Черный кот даже не вздрагивал во сне. Его защитная программа Murzik.sys находилась в глубоком фоновом режиме: дыхание было ровным, а из круглой шеи исходил еле слышный, убаюкивающий ритм на базовой частоте .

Внезапно в полумраке Чердака сухо щелкнуло реле.

Звук донесся со стеллажа, где среди пожелтевших схем стоял ламповый радиоприемник «Рекорд-53». Его толстый сетевой шнур с карболитовой вилкой сиротливо лежал на полу — приемник был физически отключен от поселковой розетки.

Но круглый зеленый индикатор настройки — знаменитый «электронный глазок» 6E5C — вдруг вспыхнул изнутри призрачным изумрудным светом.

Лампы накаливания в чреве деревянного корпуса затеплились тусклым оранжевым накалом. Из динамика сквозь шорох эфира вырвался не голос диктора и не свист помех. Это был резкий, тонкий, пульсирующий цифровой писк, напоминающий треск старого телефонного модема:

Пи-и-и-к… Пип-пип… Пи-и-и-к…

Для любого двенадцатилетнего школьника этот звук стал бы понятен без перевода.

В компьютерных сетях у каждого устройства есть свой сетевой адрес — **IP-адрес**. В домашней локалке все адреса начинаются привычно: 192.168.0... или 127.0.0.1. Это значит: ты дома, в своей замкнутой комнате, внутри локальной сети (LAN).

Но когда на экран внезапно прилетает пакет с адреса вроде 10.0.0.1, сетевая карта замирает от удивления.

Это адрес внешней подсети! Адрес из другого региона, из большого интернета (WAN), к которому у твоей квартиры никогда не было провода! Это сигнал от незнакомца, который набрал твой секретный номер из-за глухой бетонной стены и постучал: *«Эй! Ты меня слышишь?»*.

Зеленый сектор лампы «Рекорда» судорожно сжался в узкую полоску. На бумажную ленту контрольного телетайпа у верстака с пулеметным стуком выбило всего одну строку:

[INCOMING PACKET // SRC: 10.0.0.1 // PROTOCOL: RAW_UDP]

[PAYLOAD: PING? // HOP_COUNT: UNKNOWN]

Мурзик мгновенно открыл круглые янтарные глаза.

Кот не потянулся и не зевнул. Одним слитным, бесшумным движением он вскочил на все четыре лапы, шерсть на загривке встала дыбом, а кончик хвоста нервно дернулся. Кот повернул голову не к радиоприемнику — он смотрел строго на восток, в темное окно, туда, где за черными верхушками сосен пряталась глухая гранитная стена Медвежьего ущелья.

В ту же секунду за сорок километров от поселка, на сто сороковом километре заброшенного перегона, произошло невозможное.

Там, где рельсы упирались в чугунный тупиковый упор, а вековой мох наглухо затягивал каменную стену, в толще

гранита раздался сухой, стеклянный треск.

Ржавый оптический датчик Минсвязи образца 1972 года, дремавший в каменной нише под слоем хвои сорок восемь лет, вдруг стряхнул с себя паутину. Внутри его латунного корпуса щелкнул биметаллический контакт, и на каменную насыпь упал тонкий рубиновый луч сканера.

Гранитный монолит скалы дрогнул.

Сверху посыпалась вековая пыль, сухие ветки и мелкий щебень. По нерушимой скале, считавшейся краем мира, сверху донизу побежала глубокая зигзагообразная трещина, расходясь на ширину железнодорожной колеи.

А из черной, ледяной глубины открывшегося ущелья навстречу карельской ночи донесся далекий, мерный, упорный перестук кованых колес по стыкам:

Тук-тук… тук-тук… тук-тук…

Транзитный коридор открылся. Автономный пинг-зонд «Странник», запущенный с далеких уральских рудников реки Койвы в далеком 1958 году, вышел на финишную прямую полувекового пути.

До того момента, как солнце поднимется над Чердаком, а Артём с Кирой выйдут на свою утреннюю прогулку к сто сороковому километру, оставалось меньше пяти часов.

Глава 1. Граница карты

Утро после наведения порядка в Архиве Грибницы началось с непривычного, почти забытого чувства беззаботности.

На Чердаке дедовского дома пахло свежей сосновой стружкой, сушеным чабрецом и горячими оладьями, которые тетя Валя передала наверх в эмалированной миске. Никита Ворон, еще вчера казавшийся призраком из удаленного системного кэша, теперь деловито чинил петли на чердачном окне. Его обветренное лицо больше не двоилось серыми пикселями, на пальцах темнели настоящие масляные пятна, а на коленях у него мирно посапывал Мурзик, вытянув лапы во всю длину верстака.

Артём стоял у стола, бережно протирая мягкой фланелью эбонитовый корпус авторучки Первого Сеятеля. Рядом лежала его тетрадь, зафиксировавшая Ресурс Оболочки на безопасной и стабильной отметке:

[РЕСУРС ОБОЛОЧКИ: 28% // СТАТУС: ЛОКАЛЬНАЯ СЕТЬ СТАБИЛЬНА // PING: 0 ms]

Двадцать восемь процентов. Не так много, как хотелось бы, но вполне достаточно для жизни без внезапных обмороков и носовых кровотечений.

— Синицын, кончай наводить лоск! — на чердак взбежала Кира. На ней была расстегнутая куртка-штормовка, а в руках она держала полевой бинокль. — Дядя Илья зовет

вниз. Говорит, на сто сороковом километре творится что-то несусветное.

Артём удивленно вскинул бровь:

— На сто сороковом? Там же глухой тупик.

— Вот именно, — Кира загадочно прищурилась. — Был тупик. А теперь путейцы божатся, что тупик куда-то уехал.

Через двадцать минут четверо людей и один черный кот уже шли вдоль железнодорожной насыпи, удаляясь от поселка на восток.

День выдался ясным и теплым. Рельсы весело блестели под лучами солнца, отражая чистое майское небо. Мурзик бежал впереди по деревянным шпалам, задрав хвост трубой и время от времени прыгая в густую траву за кузнечиками.

Любой двенадцатилетний геймер отлично знает, что такое **край карты** или **невидимая стена** (Invisible Wall).

Когда ты играешь в любимую игру с открытым миром, тебе кажется, что локация бесконечна. Ты бежишь вперед через леса и поля, поднимаешься на холм, но рано или поздно упираешься в невидимую преграду. Персонаж продолжает перебирать ногами, но упрямо скользит на месте.

А в некоторых старых играх разработчики делали еще хитрее — настраивали **зацикленные координаты**. Ты идешь строго на восток, проходишь десять километров через тайгу и вдруг… выходишь к родному поселку с запада! Пространство плавно разворачивало тебя по кругу, создавая иллюзию гигантской планеты, хотя на самом деле ты просто

бегал внутри замкнутого цифрового аквариума.

Всю сознательную жизнь Артём, Кира и все жители поселка знали: за сто сороковым километром хода нет. Там путь упирался в отвесную гранитную стену Медвежьего ущелья, рельсы заканчивались массивным чугунным тупиковым упором, а тропинки в лесу плавно заворачивали назад.

Но сегодня гранитный утес встретил их совсем иначе.

Подойдя к километровому столбику с облупившейся краской «140», отряд замер.

Чугунный тупиковый упор, вбитый в насыпь еще полвека назад, был разорван пополам. Массивные стальные балки толщиной в рельс были аккуратно срезаны, словно по ним полоснули лазерным резаком.

А в монолитной гранитной скале, которая сорок лет считалась глухой стеной мира, зияла циклопическая вертикальная расселина шириной шагов в пятнадцать.

И самое невероятное: сквозь эту каменную трещину, убегая в темную сырую мглу ущелья, уходили две параллельные стальные нити рельсов! Они не были ржавыми. Наоборот — их головки были отполированы до зеркального блеска, словно тяжелые поезда ходили по ним каждый божий день.

— Невидимая стена упала… — выдохнул Артём, делая осторожный шаг вперед.

— Не упала, а открылась, — поправил Илья Воронцов. Старик опустился на одно колено и провел рукой по стальному стыку. — Когда вчера Белое Дерево пустило корни в

глобальный мицелий, а Архив перестал забивать каналы мусором, системная память поселка освободилась. Пропускная способность сети подскочила в тысячи раз. И наш локальный маршрутизатор снял пограничную заглушку.

Никита Ворон подошел к расселине, оперся плечом о гранитный скол и шумно втянул воздух носом:

— Пахнет не Карелией. Чувствуете?

Артём принюхался.

Из глубины темного ущелья тянуло прохладным сквозняком. Но этот ветер не нес привычных запахов сосновой смолы, прелого торфа или озерной тины. Из расселины веяло сухой степной пылью, толченым известняком, запахом каменного угля и горьковатым дымом далеких металлургических печей.

— Урал… — глухо произнес Никита, и в его серых глазах вспыхнул давний, затаенный огонь. — Этот запах ни с чем не спутаешь. Река Койва. Старые заводы.

— Дядь Никит, вы хотите сказать, что за этой скалой… другая область? — Кира подошла ближе, сжимая в руке бинокль. — Другой сектор Оболочки?

— Не просто сектор, девочка, — Илья Воронцов достал из кармана свой карболитовый прибор.

Стрелка частотомера не прыгала в красной зоне и не падала в ноль. Она мерно, ритмично покачивалась, ловя далекие, размеренные импульсы, шедшие прямо из каменной трещины: *пик… пик… пик…*

— Мы пятьдесят лет сидели в закрытой локальной сети (LAN), — тихо сказал старик, глядя в темноту расщелины. — Как компьютеры в школьном кабинете информатики, которые соединены проводами между собой, но не имеют выхода в большой интернет. Дед Леший OG и основатели Ордена запечатали карельский узел во время восстания восемьдесят второго года, чтобы вирус Очистителей не выплеснулся наружу. Они думали, что спасают нас. Но они отрезали нас от всего остального мира.

Мурзик медленно подошел к границе разорванного тупика.

Черный кот остановился ровно на линии, где раньше заканчивалась карта. Его янтарные глаза смотрели вглубь каменного коридора. Кот вытянул шею, понюхал незнакомый угольный ветер и тихо, озадаченно мявкнул.

Внезапно стрелка на приборе Ильи дернулась и со звоном ударилась об ограничитель.

Из темной глубины ущелья, нарастая с каждой секундой, донесся тяжелый механический ритм: *тук-тук… тук-тук… тук-тук…*

Это не был призрак или остаточный звук из Архива. Звук был настоящим, плотным и сопровождался глухой дрожью гранитных скал.

По рельсам из неизведанного внешнего мира прямо на них что-то двигалось.

Глава 2. Странник с Урала

Звук, доносившийся из каменного горла ущелья, нарастал с каждой секундой.

Это не был тяжелый поезд или бронепоезд Очистителей. По рельсам бежало что-то легкое, но упорное, издающее глухой металлический стрекот заведенной заводной пружины и шипение горячего пара.

— Всем за насыпь! — скомандовал Никита Ворон, мгновенно сгребая Артёма и Киру за шивороты курток и увлекая их за массивный гранитный валун у кромки проема.

Илья Воронцов вскинул монтировку на изготовку. Мурзик, напротив, не сделал ни шага назад. Черный кот остался сидеть прямо на стыке разорванного тупика, задрав хвост и не мигая глядя в клубящийся сизый туман.

Из полумрака ущелья, разрезая туман лучом мутного желтого фонаря, наконец выкатился нарушитель спокойствия.

Артём осторожно высунул голову из-за камня и удивленно моргнул.

На насыпь выехала странная низкая тележка на четырех стальных колесах. Она не походила на их ручную дрезину ТД-5: у нее не было качалки для рук.

Это был самый настоящий механический робот-разведчик, собранный по суровым канонам советской инженерной мысли конца пятидесятых годов. Его корпус был сварен из

толстых листов броневой стали и сплошь покрыт шершавой кирпично-красной пылью — той самой знаменитой охристой пылью уральских железных рудников. Сверху на пружинных амортизаторах возвышалась круглая застекленная башенка, внутри которой мерно мигали янтарным светом три радиолампы-триода.

На носу тележки медленно вращалась спиральная медная антенна, а на боку сквозь пласты въевшейся копоти читалась белая надпись краской по трафарету:

«ОРДЕН ГРИБНИКОВ. АВТОНОМНЫЙ ПИНГ-ЗОНД № 01 "СТРАННИК"»

«ЛАБОРАТОРИЯ КОЙВА-УРАЛ. 1958 Г.»

Для любого двенадцатилетнего парня назначение этой железки стало понятным мгновенно.

Представьте, что вы подключаете новый кабель интернета к компьютеру. Компьютер сразу же отправляет в провод крошечный проверочный сигнал — **пинг** (Ping). Это короткий вопрос: *«Эй, есть там кто живой на том конце провода?»*. Если ответа нет, компьютер повторяет сигнал снова и снова.

Этот зонд и был тем самым механическим «пингом»!

Полвека назад ученые на Урале запустили автоматическую тележку по рельсам сквозь горные тоннели, чтобы узнать, куда ведет магистраль. Но когда Карелию запечатали карантином, зонд уткнулся в закрытую границу и сорок лет крутился на зацикленном кольцевом разъезде в ничейной полосе, пока Артём и Кира не сняли заглушку карты!

Тележка перекатилась через границу разорванного тупика, въехала на карельские рельсы и с глухим шипением пневматических тормозов замерла ровно в трех сантиметрах от носа Мурзика.

Радиолампы в башенке вспыхнули ярче, антенна издала протяжный свист, и из крошечного рупорного динамика на корпусе раздался скрипучий, механический голос:

[ПАКЕТ ДОСТАВЛЕН // МАРШРУТ: СЕКТОР 01 (УРАЛ) ---> СЕКТОР 02 (КАРЕЛИЯ)]

[ВРЕМЯ В ПУТИ: 48 ЛЕТ 7 МЕСЯЦЕВ 12 ДНЕЙ]

[СИГНАЛ ПРИНЯТ: ТОЧКА НАЗНАЧЕНИЯ ДОСТИГНУТА]

Пневмозамок на верхней крышке зонда звучно щелкнул. Бронированный люк с тихим шелестом откинулся на медных петлях, обдав ребят запахом нагретого веретенного масла, сухого спирта и старых перфокарт.

Никита Ворон первым подошел к механизму. Его пальцы бережно коснулись остывающей брони:

— «Странник-один»… Я помню чертежи этой штуковины. Дед Леший ночами не спал, рассчитывал емкость ее аккумуляторов, когда мы еще пацанами были.

Внутри бронированного отсека зонда на бархатной подложке покоился круглый латунный пенал, запечатанный сургучной печатью с оттиском шляпки мухомора — личным гербом Нейромонаха Лешего OG.

Артём подошел ближе и осторожно сломал хрупкий сур-

гуч.

Внутри пенала лежал тяжелый металлический сердечник, на который был плотно намотан рулон широкой магнитной ленты на лавсановой основе, и пожелтевший лист плотной чертежной бумаги.

Артём развернул лист. По нему бежал знакомый, размашистый почерк основателя Ордена, сделанный фиолетовыми чернилами:

«Тому, кто примет "Странника" на западном рубеже.

Если этот зонд пробил пограничную толщу — значит, локальная изоляция дала трещину. Значит, наш эксперимент на Койве не погиб.

Запомни, оператор: то, что вы построили у себя на карельских болотах, — это лишь Сектор 02. Вспомогательный узел. Настоящий корень всей системы — Сектор 01 — находится здесь, на Урале. Здесь, в скалах, стоят генераторы, которые питают Оболочку энергией недр.

Но предупреждаю: граница закрыта не просто так. На стыке секторов работает автоматическая станция "Периметр-Восток". Если не подтвердить рукопожатие кодом Первого Сеятеля, Пограничный Экран сожжет магистраль и отрежет нас друг от друга навсегда.

Ленту вставь в магнитофон на Чердаке. Там координаты прохода.

Нейромонах Леший OG. Июль 1958 года».

— Сектор ноль один… — прошептала Кира, заглядывая

через плечо Артёма. — Значит, наш Чердак — не единственный? На Урале есть свой Исток?

— Не просто Исток, — Илья Воронцов благоговейно посмотрел на катушку с магнитной лентой. — В первой книге «Код грибницы» целая глава посвящена тому, как дед Леший летом пятьдесят восьмого года ушел в глухие уральские дебри вдоль реки Койвы. Там он впервые услышал биоэлектрический гул подземных грибниц в медных рудниках и спаял первый в истории ламповый переходник! Но в каноне всегда считалось, что та лаборатория была заброшена и стерта при аварии. А она жива!

Никита Ворон опустил ладонь на плечо Артёма:

— Она не просто жива, парень. Она ждет сигнала. Мы думали, что спасаем мир, возясь в нашей уютной карельской песочнице. А настоящий мир там, за этим ущельем.

Внезапно радиолампы на зонде «Странник» резко сменили цвет с мягкого янтарного на тревожный, слепящий кармин.

Спиральная антенна бешено закрутилась, из рупора вырвался нарастающий вой высоковольтной дуги, а гранитные рельсы под ногами мелко задрожали.

Внутренний интерфейс Артёма выбросил прямо перед глазами серию тревожных системных предупреждений:

[ВНИМАНИЕ: ОБНАРУЖЕН ВНЕШНИЙ ШИРОКОВЕЩАТЕЛЬНЫЙ ПАКЕТ]

[ИСТОЧНИК: СТАНЦИЯ "ПЕРИМЕТР-ВОСТОК"]

[СТАТУС: ТРАНЗИТНЫЙ КАНАЛ ПЕРЕГРУЖЕН]

[УГРОЗА: BROADCAST_STORM // ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТНОГО СБРОСА СЕТИ]

Далеко позади, со стороны поселка, донесся приглушенный гул: над крышами домов в небо ударили короткие, ритмичные вспышки уличных фонарей.

Сигнал уральского зонда, прорвавшись через открытую границу, хлынул в поселковую сеть неуправляемой лавиной данных, заставляя счетчики и трансформаторы выть от перегрузки.

Маленькая карельская локалка не выдерживала напора большого мира.

Глава 3. Тайна уральского узла

Возвращение в поселок напоминало эвакуацию из зоны техногенного сбоя.

То, что происходило на улицах, любой двенадцатилетний геймер узнал бы за полсекунды. Представьте, что в командном чате онлайн-игры внезапно проснулся бешеный спам-бот: он строчит по миллиону сообщений в секунду, засоряя экран, из-за чего игра начинает жутко зависать, а системный блок надрывно воет вентиляторами.

В компьютерных сетях это называют **широковещательным штормом** (Broadcast Storm).

Когда запыленный зонд «Странник» перекатился через открытую границу карты, он начал непрерывно посылать во все стороны мощный сигнал опознавания: *«Я здесь! Кто на связи?! Ответьте!»*. А маленькая поселковая сеть, полвека жившая в изоляции, никогда не сталкивалась с таким диким объемом внешних данных.

На Школьной улице лампочки в уличных фонарях не просто горели — они вспыхивали ослепительным белым светом, отбивая яростную морзянку. Старая трансформаторная будка у водонапорной башни гудела так, словно внутри нее заперли рой гигантских железных ос, а из колонок поселкового радиоузла доносился низкий, вибрирующий гул, сквозь который пробивались механические щелчки.

— Скорее на Чердак! — крикнул Илья Воронцов, на бегу придерживая очки. — Если не заглушим входящий пакет и не заземлим зонд, на подстанции выбьет все предохранители!

Они вихрем взлетели по скрипучей деревянной лестнице на мансарду дедовского дома.

Здесь шторм ощущался еще острее. Легендарная эмалированная миска-Якорь на верстаке мелко вибрировала. Вода внутри нее больше не была гладким зеркалом — по поверхности бежали частые концентрические круги, а две медные копейки на дне звенели о сколотый эмалированный бок.

Мурзик первым делом запрыгнул на верстак, подошел к миске и решительно накрыл лапой ее вибрирующий край. Его горло загудело:

Xppp-xppp-xppp…

Частота .

Волна кошачьего резонанса мгновенно прибила дрожь Якоря, вернув воде спокойствие. Но кот не расслаблялся: его янтарные глаза не мигая следили за тяжелым латунным пеналом, который Никита Ворон бережно опустил на верстак.

— Где старый катушечник? — Никита смахнул со лба пот, отстегивая ремни вещмешка. — Тот, ламповый, на котором Леший в шестидесятых перегонял сигналы с перфокарт!

— В дальнем углу, под брезентом, — Артём метнулся к стеллажу и сдернул плотную выцветшую ткань.

Под ней стоял массивный советский катушечный магни-

тофон «Днепр-11» в полированном дубовом корпусе. Это был настоящий монстр аналоговой техники: тяжелые блестящие тумблеры, круглый зеленый индикатор уровня записи — магический «электронный глаз» — и две огромные пустые бобины с металлическими фиксаторами.

Никита аккуратно извлек из пенала рулон лавсановой ленты 1958 года. Его мозолистые пальцы работали уверенно и быстро: заправив магнитную полосу между направляющими роликами и прижимным роликом тонвала, он защелкнул замок правой катушки.

— Кира, включай сетевой рубильник! — скомандовал Илья. — Артём, держи блокнот наготове! Если пленка начнет сыпаться от старости, успевай фиксировать параметры звукового тракта!

Кира щелкнула тумблером.

Внутри магнитофона с гулким щелчком ожили лампы накаливания. За круглыми решетками вентиляции затеплился уютный янтарный огонек, пахнуло нагретым лаком и старой трансформаторной пылью.

Никита нажал тяжелую клавишу «ПУСК».

Бобины медленно, с легким шуршанием тронулись с места: *вжух-вжух-вжух…*

Зеленый индикатор в центре панели дрогнул, вспыхнул изумрудным светом и начал пульсировать в такт звуковым колебаниям. Из динамика сквозь шорох магнитных зерен и сухой треск статического электричества донесся глубокий,

хрипловатый, но удивительно спокойный человеческий голос:

— Раз-два, проверка модуляции… Говорит Нейромонах Леший OG. Полевой журнал экспедиции "Урал-58". Шестнадцатое июля одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Лаборатория на реке Койве.

У Артёма перехватило дыхание.

Это был голос его деда. Но не того седого, уставшего старика, каким он помнил его по редким детским воспоминаниям, а молодого, полного дерзкой силы первооткрывателя.

Голос на пленке помолчал, послышался звук чиркающей спички и характерное потрескивание папиросы:

— Если вы слышите эту ленту — значит, механический курьер пробил толщу горных пластов. Значит, вы на карельском узле наконец-то научились дышать без нянек. Слушайте внимательно, операторы.

Ребята подошли вплотную к магнитофону, боясь пропустить хоть слово. Даже Мурзик перестал умываться и навострил порванное ухо.

— То, что мы заложили у вас на севере, вокруг Ладоги и Онеги, — это Сектор Ноль-Два, — продолжал голос Лешего OG. *— Большой буферный накопитель. Папка с архивами, тихая заводь, где человеческий разум может привыкнуть к Оболочке и научиться жить в симбиозе с лесом. Но вы — не единственный узел. И далеко не главный.*

Лента на бобине тихо зашелестела, с динамика донесся

шум далекой горной реки и перестук реле:

— Сердце системы — Сектор Ноль-Один — находится здесь, в глубине уральских медных рудников. Здесь, на реке Койве, в пятьдесят восьмом мы подключили первые ламповые генераторы к древнему телу каменного мицелия. Урал — это электростанция и главный вычислительный процессор всего проекта. Именно отсюда импульсы жизни шли на запад, питая ваши леса, реки и поселки.

Илья Воронцов сжал кулаки так, что побелели костяшки:

— Я знал… Отец говорил об этом шепотом перед самым Расколом! В первой книге «Код грибницы» этому посвящены целые главы: дед Леший неделями бродил по старым уральским штольням, пытаясь понять, почему радиоприемники ловят голос деревьев! Это же исток всего нашего мира!

Голос на ленте внезапно посуровел:

— Но предупреждаю: между нами стоит замок. На границе регионов, в глухом скальном разломе, Минсвязи смонтировало автоматический распределительный узел — подстанцию "Периметр-Восток". В мирное время она работала как маршрутизатор, распределяя потоки данных. Но если в сети начнется паника или восстание, станция перейдет в режим глухого брандмауэра.

Из динамика послышался нарастающий гул тревожной сирены, записанный сорок лет назад:

— Если входящий трафик с Урала попытается про-

рваться без трехстороннего рукопожатия (Three-Way Handshake), автоматика "Периметра" сочтет это за вирусную атаку. Она спустит тяжелые размыкатели и сожжет медные магистрали термитным зарядом. И тогда Карелия останется одна в пустоте навсегда. До аварийного сброса у вас есть не больше двенадцати часов. Берите "Странника", берите кота и идите к Периметру. Подтвердите, что на том конце провода — живые люди.

Щелчок. Запись оборвалась. На катушке остался лишь монотонный белый шум пустой магнитной ленты.

В комнате повисла тяжелая тишина. Было слышно только, как за окном яростно трещат провода на столбах от бушующего широковещательного шторма.

Артём взглянул на часы.

— Двенадцать часов… — тихо сказала Кира. — А до Периметра через скалы — больше пятидесяти километров по заброшенной ничейной ветке.

— На своих двоих не успеть, — Никита Ворон решительно подошел к верстаку и взял свой брезентовый вещмешок. — Нам нужен транспорт. Ручная дрезина ТД-5 выдержит четверых и кота, если мы сцепим ее со «Странником». Зонд пойдет впереди как тягач и головной прожектор.

— А я возьму резервные кабели и паяльную лампу, — Илья уже сгребал в ящик мотки медной проволоки и тяжелые инструменты. — Если транзитный кабель поврежден, латать придется под напряжением.

Артём бережно убрал эбонитовую авторучку Первого Сеятеля во внутренний карман куртки и застегнул молнию.

Внутренний счетчик Ресурса Оболочки ровно светился перед глазами:

[РЕСУРС ОБОЛОЧКИ: 28% // ВРЕМЯ ДО ИЗОЛЯЦИИ СЕКТОРА: 11:42:18]

Одиннадцать часов и сорок две минуты.

Карельский сектор больше не мог прятаться за невидимыми стенами. Впереди лежала ничейная буферная зона — место, где заканчивалась знакомая реальность и начинался суровый путь к сердцу всей системы, к забытому Уральскому Истоку.

Мурзик спрыгнул с верстака, деловито подошел к двери и требовательно оглянулся на людей. Кот был готов к выходу на Внешний Контур.

Глава 4.
Широковещательный шторм

Спуск с Чердака во двор напоминал погружение в эпицентр шаровой молнии.

Если на высоте мансарды шторм проявлялся лишь звоном посуды да пляской стрелок, то на земле поселок буквально трещал по швам от переизбытка чужой энергии.

Для любого двенадцатилетнего школьника эту катастрофу проще всего представить по школьному чату в мессенджере.

Бывает так: какой-нибудь шутник запускает бота, который начинает строчить команду @everyone по десять тысяч раз в секунду. Телефон раскаляется в кармане, экран не гаснет, уведомления визжат непрерывной сиреной, приложение намертво виснет, а оперативная память забивается под завязку. Ты даже не можешь нажать кнопку «Выйти», потому что процессор просто не успевает обработать нажатие пальца.

Точно такой же неуправляемый спам сейчас накрыл родной поселок.

Только вместо текста в чате спам шел через физические объекты Оболочки!

Старый чугунный уличный водокач посреди переулка не просто качал воду — струя из ржавой трубы слабо фосфо-

ресцировала бирюзовым неоновым светом, рассыпая по луже светящиеся зеленые нули и единицы. Воздушные медные провода на деревянных столбах гудели на низкой басовой ноте, вибрируя с такой силой, что с них срывались воробьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.